

Александра, 27 лет, Лондон, открывает твиттер и пишет: хочу сдохнуть. Закрывает и возвращается к “Феноменологии духа”. Через минуту откладывает её в сторону и лезет смотреть, сколько лайков. Четыре.

Александра добавляет: вместо этого лежу. И я, и я, поддержка, и я, отвечают дружочки, очень верное решение.

Капитализм: господствует.

Я: лежу.

(Возможно самый жестокий твит в истории, отвечает Александра.)

Три года назад ей стало невыносимо. Невидимая рука душила Александру день и ночь в богоспасаемом городе Москве, куда её родители так стремились переехать из нефтеносных Лабытнанг. Не спасали ни йога, ни мдма.

Полиция арестовала Александру на митинге за здоровье политика, которого позже отравили, и долго катала в автозаке. Эта поездка наградила Александру рвотой в углу автозака, клаустрофобией и удушливой панической атакой. В околотке она решила отвлечься и проповедовать: анархия есть высшая форма гражданского порядка, а вовсе не хаос, и мы должны отучиться смотреть на государство как на нечто необходимое. Страдающий от расстройства пищевого поведения лейтенант склонился к ней: «Хорошо, что ты это мне гонишь, а не ему» — и указал на человечка в кашемировом пиджаке. Человечек отсматривал видео с митинга и отмечал что-то в блокноте.

Родители разъярились и отказались давать Александре деньги на магистратуры, где изучают теорию анархии, несмотря на то, что деньги у них были. Они собирались разводиться и не хотели ни во что вникать. А ей хотелось уехать туда, где дышится не как в автозаке, и где не сажают за мнимый экстремизм и не пытаются, засовывая бутылку в задницу, и где не надо учить новый язык вдобавок к зубрёному с детсада английскому.

Тогда Александра придумала маскировку: можно прикинуться, что стремишься в юристы, и поступить на право, но вместо крючкотворства изучать опыт анархической республики Рожавы или Каталонии во время гражданской войны в Испании. Мать мечтала увидеть её на каблуках, в макияже и в лондонском ресторане, и Александре удалось навеять родителям юридическую грёзу.

Но чем ближе надвигалась защита магистерской, тем яснее Александра понимала, что свободу в деньгах ей даст только торговое право, или морское, или ещё какое-нибудь коммерческое. Нищенствовать же в дорогом городе, став философкой (это слово она подсмотрела у Тургенева), подрабатывая там и сям и снимая комнату, — унинительно. На родине, тем временем, становилось всё хуже: затыкали рот журналистам, арестовывали за выход на улицу с любыми лозунгами, даже подчёркнуто бессмысленными, и грозили войной соседям, у которых уже стащили подтихую целый полуостров.

Сокрушаясь духом и ненавидя многое, включая себя, Александра заваривает лапшу и возвращается к твиттеру.

...Короче, сейчас будет тред «Я не знаю, что делать со своей жизнью».

Настоящим сознаюсь, собственноручно и в нормализованном с помощью антидепрессантов состоянии, что уже год как нахожусь в глубочайшей яме...

...Например, всё это время я не имела секса, и не очень хочется, хотя, конечно, лесбийский сепаратизм ещё не опробован, и ковид тут ни при чём, и страх, что вдруг правда будет война, тоже...

...да и с тиндером проблем вроде бы нет, но перед тем, как раздеться, хочется поговорить, а люди оказываются чудовищно далеки или наоборот нормальны — настолько, что я понимаю, как ненормальна я сама с бешеным желанием, чтобы каждый встречный признавал мою исключительность...

...и связанную с ней ярость, если я оказываюсь в чём-то плоха, и с серыми как мамонты панелками в глазах (да, они ходят за мной, полные заброшенности и

распада). И вот недавно что-то перещёлкнуло и я подумала: может, правда, найти местную терапевтку?..

...Также сознаюсь, что не могу сопротивляться капитализму, который давит необходимостью иметь постоянный доход, но следит, чтобы неравенство не становилось критическим и чтобы прекариат не нищенствовал...

...Наука казалась оазисом, но все постоянные ставки заняты своими, и максимум, что светит персоне, не встроеной в академические иерархии, это краткосрочные контракты — сами знаете, где просыпаешься после конкурса на них: в клинике неврозов...

...И совсем восхитительно я себя чувствую, когда думаю, что мой взгляд это взгляд привилегированной европейки, а в каких чудовищных тисках живут люди в [бывших] колониях, которые [бывшие] империи наёбывают своей гуманитарной помощью, на самом деле не помогая развиваться...

Александра, 27 лет, выдыхает и приписывает: так, ладно, если совсем честно, то я так разнылась потому, что обещала профессору эссе об анархистах русской эмиграции и поняла, что среди них интересных авторов раз-два и обчёлся, а о неинтересных писать пять тысяч слов — такое.

Сочувствую, обнимаю, zaplakala, отвечают Александре твиттерские. Один добавляет: капитализм, конечно, говно, но может, имеет смысл посмотреть более поздние источники, чем первая волна эмигрантов? Недавно контрразведка открыла послевоенные архивы и там, вроде, есть выдающиеся беглецы из России — погляди. И кидает ссылку.

Александра лезет в архив MI5, ищет по ключевым словам и находит один-единственный документ: «Показания господина Иры». В них много раз упоминается анархия. С господином связано ещё несколько документов — его допросы после Второй мировой и ещё какие-то отчёты.

Бухнув в турку сразу весь кофе, потому что пачка была открыта неаккуратно и обмол выдохся, Александра зажигает огонь. Документы скачиваются.

Надежды мало. Вторая мировая изучена со всех сторон и чудовищно надоела. Но с другой стороны, кто знает, вдруг попадутся какие-нибудь боковые сюжеты. Да и читать допросы всегда интересно.

Ресторан под её окнами гремит вилками, гомонит и всхажывает. На острове ещё не так зябко, чтобы убирать столы и кадки с пуанцеттиями в отапливаемый зал.

Александра вздыхает и кликает на первый документ. *Заключение следствия по делу бюро "Клатт", 31 октября 1946 года, Лондон, MI5...*